

**«МАКСИМЫ» Ф. ДЕ ЛАРОШФУКО:
ПАРАДОКСАЛЬНАЯ ЛОГИКА И ЛОГИКА ПАРАДОКСА
(проблемы жанра и стиля)**

О.А. Литневская

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва

Цель данного исследования – описать особенности стиля максим Ларошфуко, посвященных теме дружбы. В статье проводится анализ используемых синтаксиса, лексики и фигур. В результате установлено, что изолированность высказываний сборника, их синтаксическое строение в сочетании с антитезой приводит к созданию логических парадоксов, которые призваны подтолкнуть читателя к критическому переосмыслению привычной для него картины мира.

Ключевые слова: Франсуа де Ларошфуко; максима; стилистический анализ; фигура стиля; парадокс.

Введение

Материалом данного исследования являются максимы, посвященные теме дружбы (“amitié”), из «Максим и моральных размышлений» Франсуа де Ларошфуко, а основная **задача** – анализ особенностей языка и рассмотрение и каталогизация используемых автором стилистических приемов. Ввиду особенностей структуры сборника и жанра максимы особого обсуждения заслуживает вопрос о том, какие именно высказывания можно считать относящимися к рассматриваемой нами теме.

Актуальность темы данного исследования обусловлена значительным влиянием, оказанным творчеством Ларошфуко на литературу последующих поколений, а также раздробленностью структуры высказываний сборника, противящихся исчерпывающему анализу и систематизации и по сей день из-за этого привлекающих внимание литераторов и лингвистов всего мира.

В статье применяются следующий **метод исследования:** стилистический анализ текста, в ходе которого предстоит проанализировать синтаксические структуры, лексику и фигуры, используемые автором.

Теоретической базой исследования послужили исследования авторитетных французских исследователей-стилистов, легшие в основу современной теории фигур во Франции (Ж. Гард-Тамин, М. Бономм, Б. Комбетт, Э. С. Карабетьяна, Ж. Мольнье и др.), исследования, посвященные творчеству Ларошфуко (Э. Тюрка, П. Тоффано, П. Кампьян,

Ж. Трюше, Ж. Лафон и др.) и исследования, посвященные французскому языку XVII в. (П.-И. Галлар, Э. Франкаланза, Ж.-М. Фурнье, Г. Спийбу и др.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье стилистический потенциал максим о дружбе Ларошфуко может быть использован как в ходе дальнейшего лингвистического анализа сборника в целом, так и в ходе более детального смыслового и философского осмысления концепта дружбы в рамках картины мира автора.

Основная часть

«Максимы и моральные размышления» Франсуа IV де Ларошфуко – одно из самых значимых произведений французской классической литературы XVII века – сборник максим, то есть кратких афористических изречений. Первое издание содержало 316 изречений, тогда как последнее, пятое прижизненное издание, изданное в 1678 г., содержит 504 изречений, посвященных человеческим порокам и добродетелям.

Исследование максим на тему дружбы, как и тематически иных, осложняется из-за особенностей самого жанра максимы. Каждая максима независима и самодостаточна; изречения в сборнике изолированы друг от друга и формально, и по смыслу. Каждое изречение – это «вещь в себе», изолированная от контекста, «одинокая, краткая, окруженная тишиной» [9: 26] (здесь и далее все переводы с французского наши), как охарактеризовал ее Р. Барт. Подобную структуру принято объяснять «страхом наскучить читателю» [11: 5–6]; еще в предисловии к первому изданию «Максим» А. Шапелль-Бессе защищает естественность языка Ларошфуко и преимущества небрежного отношения к структуре сборника [12: 16]. Тем не менее, к первому изданию «Максим» также восходят попытки структурировать содержание сборника: издатель включает в него индекс тем сборника и сетует в предисловии на невозможность «расположить [максимы] в большем порядке <...>, не разрушив полностью [порядок] переданного ему оригинала» [12: 8]. Отсутствие когезии в сборнике усложняет анализ «Максим» как связного текста (так, даже Ж.-М. Мартен и Ж. Молино после глубокого синтаксического анализа отмечают недостаточность результатов и сложность их синтеза [16: 203]).

Ввиду изолированности отдельных максим и невозможности, исследуя одну тему, фокусироваться лишь на одном фрагменте, встает вопрос, **какие максимы следует считать относящимися к теме дружбы?**

В первую очередь стоит обратить внимание на максимы с 80 по 88 – так называемую серию о дружбе. По словам Ж. Лафона, сборник состоит из двух частей: максим, расположенных беспорядочно, и тематических серий максим [13: 197], к которым можно отнести как максимы 80–88, так и, например, максимы на тему страсти (7–12), любви

(68–77) и ума (97–103). Не каждая максима в интересующем нас списке содержит ключевое слово “ami” или “amitié” (друг, дружба); максима 82, посвященная вражде из того же лексического поля (все цитирование оригинального текста приведено по пятому изданию, если не сказано обратного):

М 82 *La réconciliation avec nos ennemis n'est qu'un désir de rendre notre condition meilleure, une lassitude de la guerre, et une crainte de quelque mauvais événement. (Примирение с врагами – не более чем желание улучшить наше положение, усталость от борьбы и страх ухудшения ситуации).*

Эта максима не включена в список максим о дружбе в перечне тем в изданиях Ж. Лафона [10: 308] и Ж. Трюше; перечень последнего тем более кажется нам неполным в силу отсутствия в нем максим 72 и 315, в которых автор говорит об “amitié” и “ami” прямым текстом [10: 647].

Максима 86 не говорит о дружбе прямо, но развивает идею максимы 84, уточняя отношение между недоверием и обманом:

М 84 *Il est plus honteux de se défier de ses amis que d'en être trompé. (Не доверять своим друзьям постыднее, чем быть ими обманутыми).*

М 86 *Notre défiance justifie la tromperie d'autrui. (Наше недоверие оправдывает чужой обман).*

Поднятая тема обмана позволяет тематически присоединить максиму 87 к рассматриваемой серии, пусть и условно (эти максимы не фигурируют в перечнях максим о дружбе у Трюше и Лафона):

М 87 *Les hommes ne vivraient pas longtemps en société s'ils n'étaient les dupes les uns des autres. (Люди недолго прожили бы в обществе, если бы не обманывали друг друга).*

Тема дружбы также прямо поднимается в максимах 72, 114, 116, 179, 235, 278, 279, 315, 319, 376, 410, 426, 427, 428, 434, 438, 440, 441, 473 (даны по пятому изданию). С. Рекемора включает в список и максимы 286, 294, 296, 321, в которых поднимается вопрос любви (“amour”) и ненависти к людям, которых мы уважаем [17: 688], ссылаясь на определение «Исторического словаря французского языка» А. Рея, поясняющего, что в XVII в. понятия дружбы и любви могли выступать как синонимы как применительно к друзьям, так и возлюбленным («в старом французском “дружба” <...> обозначает [среди прочего] эротические и любовные отношения (1170), в этом значении вплоть до XVIII в.» [18: 63], что усложняет разграничение между “amitié” и “amour”, фигурирующей в гораздо большем количестве максим – шести десятках, в зависимости от метода подсчета). В сборнике действительно присутствуют максимы, в которых любовь к людям и дружба с ними отождествляются:

М 85 *Nous nous persuadons souvent d'aimer les gens plus puissants que nous ; et néanmoins c'est l'intérêt seul qui produit notre amitié [...] (Мы часто убеждаем себя, что любим людей более могущественных, чем мы; однако наша дружба проистекает из одной лишь корысти [...]).*

Трюше по этой же причине относит к высказываниям о дружбе максимуму 321, говоря, что «Лафоршуко мог думать как о дружбе, так и о любви» [11: 79]:

М 321 *Nous sommes plus près d'aimer ceux qui nous haïssent que ceux qui nous aiment plus que nous ne voulons.* (Мы больше готовы любить тех, кто нас ненавидит, чем тех, кто любит нас больше, чем мы того хотим).

Можно отметить, что эти максимы объединяет рассмотрение любви к людям, обладающим определенными качествами, что не свойственно максимумам о любви; так, в максимах 175 и 176, наоборот, сказано, что качества любимого человека не важны, так как «[...] *notre cœur s'attache successivement à toutes les qualités de la personne que nous aimons [...]*» (Наше сердце поочередно привязывается к качествам человека, которого мы любим) (М 175).

Стоит отметить, что существуют также и максимы, доказывающие, что Ларошфуко не отождествляет любовь и дружбу:

М 72 *Si on juge de l'amour par la plupart de ses effets, il ressemble plus à la haine qu'à l'amitié.* (Если судить о любви по наиболее типичным ее проявлениям, то она больше похожа на ненависть, чем на дружбу).

В «Максимах» Ларошфуко рассматривает все аспекты дружбы: ее начало (М 426), поддержание хороших отношений (М 319), непостоянство (М 80, 179), разочарование в дружбе (М 427), предательство и общение после него (М 434, М 114). Прескриптивных максим, указывающих на то, как надо себя вести, мало (319, 434), как и позитивных примеров настоящей дружбы (81, 376, 473). Представление о компонентах, необходимых для настоящей дружбы, в подавляющем большинстве дается «от обратного». По словам Барта, «сборник максим – всегда более или менее словарь, а не книга рецептов» [1: 74]. Лафон добавляет к этому, что отсутствие точных позитивных формулировок проистекает из желания призвать читателя к интерпретации максим, к «работе, необходимой для достижения [смысла]» [14: 122–123]. «Книга рецептов» таким образом в глазах читателей и исследователей превращается в головоломку [18: 690].

Центральную роль в функционировании «Максим» в качестве головоломки играют **фигуры как центральные элементы авторского стиля**, представляющие для нас основной интерес в данном исследовании, – экспрессивные дискурсивные схемы, выделяющиеся на фоне нормативной, буквальной части высказывания (споры о том, являются ли фигуры отходом от нормы или реализацией языкового потенциала и неотъемлемой частью нашего видения мира, ведутся до сих пор [7: 22–23]). Фигура сопротивляется гладкому чтению текста, привлекает внимание, требует интерпретации. Будучи латентным носителем информации, фигура требует активации, вывода общего смысла на основе фоновых знаний читателя и контекста высказывания [4: 101].

Краткость является жанровой особенностью максимы, объясняет ограниченность используемых в сборнике синтаксических схем (об этом ниже), но вместе с этим является ключевой особенностью стиля Ларошфуко, позволяющей выделить использование стилистических фигур. Известно, что использование фигур в сильных позициях (заголовках, началах и концах строк) – один из факторов, позволяющих реципиенту текста идентифицировать фигуру и мотивирующих его на попытку ее интерпретации [цит. раб.: 84]. Сжатость формы и изолированность отдельных высказываний ставит практически любое предложение в сборнике, за исключением редких длинных максим, в сильную позицию. Это позволяет компенсировать однообразие структуры отдельных максим: Ж. Трюше в предисловии к изданию «Максим» 1967 г. говорит, что «большинство [максим] построены на крайне ограниченном количестве моделей (около двух десятков)» – это редкие максимы-предписания, простые, сложные и комбинированные определения, простые и развернутые утверждения и т.д. [11: XLV–LI]; Ж.-М. Мартен и Ж. Молино в 1981 г., а за ними Ш. Шапира в 1997 [20]) создали четкую номенклатуру синтаксических схем, подтверждая это высказывание. Тем не менее это не помешало ни современникам Ларошфуко заявить о «разнообразии выражения [мысли]» [8: 15] в «Максимах», ни исследователям написать сотни работ о языке сборника. Даже Ж. Трюше признает, что ограниченность моделей максим не противоречит бесконечности потенциальных сочетаний и смыслов, как существование лишь семи нот не мешает музыканту создать любую мелодию [11: XLVIII].

При первом взгляде на язык сборника и особенности жанра сложно представить, что «Максимы» могут быть «головоломкой». Максиме свойственна четкость и ясность формулировок. В ходе редактирования сборника на протяжении изданий можно наблюдать общую тенденцию к упрощению, сокращению фраз. Так, из максимы 82 выброшено целое придаточное предложение, присутствовавшее в максиме ХСV первого издания:

M 82 *La réconciliation avec nos ennemis [qui se fait au nom de la sincérité, de la douceur, de la tendresse] n'est qu'un désir de rendre notre condition meilleure [...]. (Примирение с врагами, [которое делается во имя искренности, мягкости и симпатии] – не более чем желание улучшить наше положение [...]).*

Из максимы 116 убрано описание конкретной ситуации, присутствовавшее в первом издании, в пользу более абстрактной формулировки (ссылки на конкретные события и предметная лексика, используемая для образных сравнений, изредка появляются в сборнике, но не присутствуют в максимах о дружбе):

M 116 *Rien n'est moins sincère que la manière de demander et de donner des conseils [...]. (Нет ничего менее искреннего, чем манера просить и давать советы [...]).*

М СХVIII *Rien n'est plus divertissant que de voir deux hommes assembles, l'un pour demander conseil, et l'autre pour le donner [...]. (Нет ничего занимательнее, чем наблюдать за двумя людьми, из которых один пришел просить совета, а другой его давать [...]).*

Помимо этого, «эффект авторитетности» [5: 44] усиливает и **синтаксические особенности** максим, в частности, практически полное отсутствие вопросительных предложений и фраз, выражающих сомнение (так, из максимы 240 исчезла фраза «я не знаю, можно ли сказать»); обилие сравнений и описаний зависимостей понятий сближает фразы Ларошфуко с математическими формулами, усиливая ощущения логичности, объективности высказывания (см. М 321 выше). Грамматический параллелизм структуры отдельных высказываний усиливает наше восприятие максим как логично построенных формул:

М 80 *Ce qui nous rend si changeants dans nos amitiés, c'est qu'il est difficile de connaître les qualités de l'âme, et facile de connaître celles de l'esprit. (Мы потому так непостоянны в дружбе, что сложно познать свойства души и легко познать свойства ума).*

Наконец, универсальности высказываний также способствует использование субъектов с максимально широким референтом: из 35 максим о дружбе в 28 дружба и ее аспекты обсуждаются относительно “нас” (“nous”, “notre”, “on”; в одном случае в качестве аналога выступает “son” во фразе о любви к своим друзьям), еще 3 ссылаются на людей вообще (в одном случае заменено на “тех, кто...”). Более конкретные (женщины в максиме 440) или, наоборот, абстрагированные от реципиента высказывания (максимы 376, 473, где речь идет о зависти, кокетстве и истинной любви в чистой форме) редки.

Вопреки вышесказанному о четкости формулировок в «Максимах», Ларошфуко не чуждо использование **образности**. Хотя в максимах о дружбе и не используются сравнения и редки метафоры (можно выделить *глубину сердца – le fond de notre cœur* – в максиме 315), сквозной линией через эту тему проходит идея дружбы как рационального обмена услугами. Эта идея прямо сформулирована в максиме 83:

М 83 *Ce que les hommes ont nommé amitié [...] ce n'est enfin qu'un commerce où l'amour-propre se propose toujours quelque chose à gagner. (То, что люди называют дружбой [...] – не более чем отношения, где себялюбие всегда надеяться что-нибудь выгадать).*

Далее эта идея поддерживается использованием **лексики**, связанной со сферой торговли и услуг. В той же максиме 83 упоминается взаимная помощь в делах, обмен услугами; в максиме 116 тот, кто дает советы, платит за оказанное доверие; в максиме 438 те, кто расплачивается со своими друзьями-должниками признательностью, оставляют их в долгу. Из «взаимного чувства привязанности и симпатии» [15] она превращается в эгоистичное желание собственной выгоды и комфорта. (Ту же идею можно наблюдать и в максиме 82.)

Все это подводит нас к разговору об излюбленном **стилистическом приеме** Ларошфуко. Чем четче Ларошфуко формулирует свои идеи, тем более отчетливым становится контраст между общепринятыми представлениями об обсуждаемых темах, будь то дружба, любовь, добродетель и т.д., и теми определениями и ассоциациями, которые дает этим понятиям Ларошфуко в «Максимах». Этот контраст создает **парадокс** – «высказывание, противоречащее доксе», «дискурсивную актуализацию противоречия» [6: 27], если брать определения П.-И. Галлара, исследующего парадокс как «композиционную матрицу моралистического дискурса» [цит. по: 182] в литературе XVII в.

И действительно, парадокс, часто строящийся на использовании антонимичной лексики и антитезы, лежит в основе эпиграфа к сборнику, считающегося исследователями Ларошфуко (см., например, [21: 31]) моделью последующих максим как по содержанию, так и по форме:

Nos vertus ne sont, le plus souvent, que des vices déguisés. (Наши добродетели – это чаще всего не более чем переряженные пороки).

Используя антитезу, Ларошфуко сближает противоположности, устанавливает их парадоксальную идентичность. Ассимиляция противоположностей (добродетели и порока) противоречит общепринятой картине мира, которая представляется как иллюзия и ложь, которые Ларошфуко берется развеять. Так, М. Боном называет парадокс «фигурой с отложенным противоречием» [3: 16].

Максимы о дружбе полны противопоставлений: в максиме 80, уже приведенной ранее, противопоставляются душа и ум, глубокое и поверхностное, сущность и видимость, мешающая постоянству дружбы. В максимах 83 и 85 (см. выше) дружба рождается из и отождествляется со своекорыстью, себялюбием. Видом своекорыстия считается довольство поведением друзей, которое определяет наше мнение о друзьях в максиме 88; в максиме 116 одобрение и поиск выгоды и почета толкают нас просить у друзей совета и давать его; в максиме 278 выгода друзей во время переговоров противопоставляется гордости собственному успеху; в максиме 279 чувство собственного достоинства определяет нашу веру в привязанность наших друзей; незнание становится обязательной частью счастливой дружбы в максиме 441; недоверие и обман становится препятствием дружбе (и в некоторых случаях ее необходимой составляющей) в максимах 84, 86, 87 и, опосредованно, 114, 315, 410, 434.

Эти парадоксы и делают из «Максим» головоломку: многочисленные определения и более развернутые фразы, которые можно упростить до модели «А = противоположность А», заставляют читателя задуматься о том, что представляет А из себя на самом деле. А – дружба – позитивно коннотированное для большинства людей явление – уподобляется у Ларошфуко эгоизму, обыкновенно негативно

коннотированному понятию, что мотивирует читателя проделать работу по интерпретации фигуры парадокса и прийти к выводу о ложности представлений о дружбе, которые он имел до прочтения сборника. Частотой подобных выводов объясняется пессимизм мировоззрения Ларошфуко, о котором часто говорят исследователи автора [19].

Тем не менее, этот пессимизм не является всеобъемлющим применительно к дружбе. Если присмотреться к эпиграфу к «Максимам», то можно заметить, что наличие слова “souvent” (“часто”) смягчает категоричность заявления, оставляет место для возможных исключений. Оно присутствует и в максимах о дружбе: максимы 85, 114, 116, 278, 279, 319, 441 содержат “souvent”, тогда как в максимах 427, 440 речь идет не о всех, но лишь большинстве людей – “la plupart” (*большинство*); это намекает на возможность существования настоящей дружбы, лишенной эгоистичной подоплеки.

В максиме 72 (см. выше) дружба противопоставляется ненависти, что восстанавливает ее позитивную коннотацию.

В максиме 473 Ларошфуко подтверждает, что считает истинную дружбу возможной, пусть и редкой:

М 473 *Quelque rare que soit le véritable amour, il l'est encore moins que la véritable amitié. (Как бы ни была редка истинная любовь, истинная дружба встречается еще реже).*

Все это приводит нас к максиме 81, центральному высказыванию серии максим о дружбе, добавленной лишь в пятом издании и резюмирующей позицию Ларошфуко:

М 81 *Nous ne pouvons rien aimer que par rapport à nous, et nous ne faisons que suivre notre goût et notre plaisir quand nous préférons nos amis à nous-mêmes ; c'est néanmoins par cette préférence seule que l'amitié peut être vraie et parfaite. (Мы не способны ничего любить безотносительно самих себя, и, когда мы ставим наших друзей पहले себя, мы лишь следуем своим вкусам и желаниям; однако только лишь благодаря тому, что мы отдаем им предпочтение, наша дружба может быть истинной и идеальной).*

Это высказывание дает дружбе редко встречающееся в сборнике позитивное определение, контрастирующее с пессимизмом «Максим» и не характерное для Ларошфуко. Тем не менее, даже здесь можно отметить, что забота о собственных интересах инкорпорируется в определение дружбы, становится неотъемлемой и обязательной ее частью. Данное высказывание проделывает работу по интерпретации парадокса за нас: эгоизм перестает восприниматься как противоположность дружбы; у Ларошфуко он, наоборот, является ее основой, что ставит под сомнение интерпретацию «Максим» как полностью негативного произведения, полного трагического пессимизма в духе августиновской и янсенистской философии.

Заключение

Подводя итоги, мы приходим к следующим **выводам**. Использование определений и синтаксического параллелизма в сочетании с антитезой, построенной на антонимичной лексике, приводит к созданию логических парадоксов, которые призваны подтолкнуть читателя к переосмыслению привычной ему картины мира. При этом изолированность максим сборника усиливает эффект, создаваемый стилистическими приемами в речи автора. Нюансы, присутствующие в определении и характеристиках, которые Ларошфуко дает понятию дружбы в своем сборнике, показывают, что мнение о полном пессимизме и нигилизме мировоззрения автора неверно, и рассмотрение каждой темы сборника заслуживает пристального внимания и кропотливого анализа.

Перспективы дальнейшего исследования языка «Максим» Ларошфуко мы видим в использовании имеющихся наработок при более детальном изучении других тематических полей сборника, но результаты данного исследования также могут быть полезны для анализа языка и через него картины мира «Максим» Ларошфуко в целом.

Список литературы

1. Barthes R. La Rochefoucauld : «Réflexions ou Sentences et Maximes» // Nouveaux essais critiques. Paris : Seuil, 1972. Pp. 69-88.
2. Barthes R. La Rochefoucauld, « Réflexions ou Sentences et Maximes » // Le degré zéro de l'écriture, suivi de Nouveaux Essais critiques. Paris : Le Seuil, 1972. Pp. 70-88.
3. Bonhomme M. Les Figures clés du discours. Paris: Seuil, 1998. 92 p.
4. Bonhomme M. Pragmatique des figures du discours. Paris : Honoré Champion Editeur, 2005. 296 p.
5. Campion P. Lectures de La Rochefoucauld. Rennes : Presses universitaires de Rennes, 1998. 159 p.
6. Gallard P.-Y. Paradoxes et style paradoxal : L'âge des moralistes. Paris : Classiques Garnier, 2019. 448 p.
7. Gardes Tamine. J. Pour une nouvelle théorie des figures. Presse Universitaire de France, 2011. 224 p.
8. La Bruyère, J. de. Discours sur Théophraste // Les caractères. Paris : Classiques. Garnier, 1962. Pp. 3-18.
9. La Rochefoucauld, F. de. Réflexions, ou Sentences et maximes morales. Paris : Le Club Français Du Livre, 1961. 211 p.
10. La Rochefoucauld, F. de. Réflexions, ou Sentences et maximes morales / édition de J. Lafond. Gallimard, 1976. 320 p.
11. La Rochefoucauld, F. de. Réflexions, ou Sentences et maximes morales / édition de J. Truchet. Paris : Garnier Frères, 1967. 668 p.
12. La Rochefoucauld, F. de. Réflexions, ou Sentences et maximes morales. Paris : chez Claude Barbin, 1665. 150 p. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8610772q/f15.item>

13. Lafond J. Dit et non-dit dans les Maximes // Actes de Wakeforest University. P. F. S. C. L., 1988. Pp. 193-194.
14. Lafond J. La Rochefoucauld. Augustinisme et littérature. Paris : Klincksieck, 1977. 285 p.
15. LeRobert : Dico en ligne. URL : <https://dictionnaire.lerobert.com/>
16. Martin J.-M., Molino J. Introduction à l'analyse sémiologique des Maximes de La Rochefoucauld // La logique du plausible. Paris : Éditions de la Maison des sciences de l'homme, 1981. Pp. 147–238.
17. Requemora-Gros S. L'amitié dans les «Maximes» de La Rochefoucauld // XVIIe siècle : bulletin de la Société d'étude du XVIIe siècle. 1999. № 4 (205). Pp. 687–728.
18. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française. Paris : Robert, 1992. Vol. I. 2383 p.
19. Roth O. La Rochefoucauld : de l'anthropologie pessimiste à la recherche d'un goût vrai et autonome // Dix-septième siècle. 2012. № 1 (254). Pp. 59-71.
20. Schapira Ch. La Maxime et le discours d'autorité. SEDES, 1997. 170 p.
21. Toffano P. Poétique de la maxime : La figure de l'antithèse chez La Rochefoucauld. Orléans : Paradigme, 1998. 126 p.

Об авторе:

ЛИТНЕВСКАЯ Ольга Андреевна – учитель, Университетская Гимназия Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва (119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27), e-mail: litnolga@mail.ru

THE “MAXIMS” OF DE LA ROCHEFOUCAULD: PARADOXICAL LOGICS AND THE LOGIC OF THE PARADOX

O. A. Litnevskaja

Lomonosov Moscow State University, Moscow

The objective of this research is to describe the unique characteristics of La Rochefoucauld's maxims dedicated to the subject of friendship. This article analyses the syntax, vocabulary and stylistic devices used in such maxims. It is found that the isolated nature of every maxim, their syntactic structure and the frequent use of antitheses creates logical paradoxes, which are supposed to motivate the reader to reevaluate their understanding of the world.

Keywords: *François de La Rochefoucauld; maxim; stylistic analysis; stylistic device; paradox*

About author:

LITNEVSKAIA Olga – teacher, Lomonosov Moscow State University High School (Lomonosovskiy Prospekt, 27, Moscow, 119311), e-mail: litnolga@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.03.2023

© Литневская О.А., 2023

Подписана в печать 04.04.2023